

**КАРЛ ВЕЛИКИЙ
ИЛИ «ИСТРЕБИТЕЛЬ САКСОВ»?:
БОРЬБА ЗА ФРАНКСКОГО ИМПЕРАТОРА
В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ**

Статья посвящена образу Карла Великого в немецкой исторической науке 1930–1940-х гг. Большое внимание уделяется значению фигуры императора для национал-социалистической идеологии. В статье рассматривается спор между одним из нацистских идеологов А. Розенбергом и немецкими историками-медиевистами относительно роли и значения Карла Великого для истории Германии.

Ключевые слова: Карл Великий, национал-социализм, немецкая историческая наука, историография

Об авторе: Хряков Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Россия, г. Санкт-Петербург, проспект Королева, 7-455. alexchryakov@yandex.ru

Сегодня является общепризнанным, что в фашистской Германии отсутствовал официальный, утвержденный на высшем уровне, догматизированный вариант историописания, который давал бы ясные и четкие рекомендации для понимания хода исторического процесса и критерии его оценки. Это можно объяснить целым рядом факторов: во-первых, тысячелетний рейх просуществовал всего двенадцать лет, и половина этого срока пришлось на мировую войну, в ходе которой актуальными стали совершенно иные задачи; во-вторых, среди нацистской элиты отсутствовали сколько-нибудь образованные личности способные предложить единый и непротиворечивый вариант официальной национал-социалистической историографии; в-третьих, борьба многочисленных властных центров нацистского государства, так называемая «поликратия», сводила на нет все попытки монополизации научной сферы, делая невозможным создание собственных исследовательских

учреждений¹. Констатация того, что в среде национал-социалистической элиты никто не имел «ключевых представлений о сущности науки», позволила немецкому историку Клаусу Швабе заявить, что в нацистской Германии было невозможным «руководство серьезными научными направлениями»².

Но, как представляется, отсутствие обязательного для остальных взгляда на историю не является препятствием для наличия собственного понимания истории, тем более что не только А. Гитлер, но и его ближайшее окружение придавали истории принципиальное значение, считая ее фундаментом национал-социалистического мировоззрения. Одной из особенностей национал-социалистической идеологии (о которой уже неоднократно говорилось) являлась гибкость и отсутствие определенности, что позволяло в зависимости от сиюминутных политических нужд актуализировать ту или иную сторону этого псевдоучения. Кроме того, пресловутая поликратия, несколько не означала отсутствия вмешательства государства в историко-научную сферу. Более того, никто из нацистских вождей не подвергал сомнению практическую значимость исторических исследований, легитимирующих существующий порядок и укореняющих его в национальной традиции³. В данной статье мы постараемся проанализировать, как менялся образ императора Карл Великого в контексте запросов фашистского государства и попробуем оценить ту роль, которую сыграли профессиональные немецкие историки в сохранении прежнего облика Средневековья.

Карл Великий является одним из тех средневековых правителей, память о которых вплоть до сегодняшнего дня актуальна для национальной немецкой истории⁴. Объединив за годы своего почти полувекового правления варварские племена, он заложил, по мнению многих исследовате-

¹ *Bollmus R.* 1970.

² *Schwabe K.* 1989, 297.

³ *Kroll F.-L.* 1999.

⁴ *Ehlers J.* 2009, 41–55.

лей, основы будущего немецкого рейха. Наряду с политическими и военными успехами, его деятельность в сфере культуры также подтверждала его имя – Карл Великий. Но вместе с тем фигура этого императора играет ключевую роль не только в немецкой национальной памяти, но и во французской. Французы также считают его основателем собственной нации. Вопрос, о том, чьим предком Карл может считаться с большим основанием, являлся основным в споре между немецкой и французской историографией. Дискуссии вокруг Карла и его alter ego Видукинда не были изобретением XX столетия, а начались еще во времена империи Гогенцоллернов. На рубеже XIX и XX вв. в антихристианских кругах немецких фелькише, преклоняющихся перед языческим германским прошлым, стало проявляться критичное отношение к императору Карлу. Вождь саксов в свою очередь, напротив, почитался как символ мужества, доблести и национального самосознания.

Авторы, стоявшие у истоков формирования такого отношения к Карлу Великому, принадлежали к разным кругам националистически мыслящих историков, философов, теологов и писателей. К их числу можно отнести и англичанина Хьюстона Стюарта Чемберлена, чьи произведения, по мнению А.А. Галкина, стали идеологическим мостиком «между взглядами старой, прежней реакции и наследующего ей фашизма»⁵. В своей главной работе «Основы XIX столетия», опубликованной в 1899 г., в главе, посвященной появлению германцев на арене мировой истории, Чемберлен наметил основные направления дальнейшей трактовки образа франкского императора, ставших востребованными среди немецких националистов. Хотя представленный здесь образ Карла Великого еще носит двойственные черты, но уже отчетливо видны пути его дальнейшей трансформации. С одной стороны, Карл характеризуется как «основатель Германии», обладающий «немецко-национальным мышлением»⁶, но с другой стороны – Карл, по выражению

⁵ Галкин А.А. 1989, 275.

⁶ Chamberlain H.S. 1903, 514.

Чемберлена, впрягая в «римскую колесницу», став выразителем идеалов «средиземноморского народного хаоса»⁷.

Из историков вильгельмовской Германии крайне негативным отношением к Карлу отличался Феликс Дан, известный своей исторической прозой и стихами. Для него Карл Великий был жаждущим власти и добычи завоевателем, а также религиозным фанатиком, которому была совершенно чужда немецкая политика. Высшей точкой его антинемецкой деятельности стало, по словам Дана «мясобойня» в Вердене и травля саксов с помощью славянской «своры». Верден – это «самое ужасное среди других ужасов, в ходе которых саксам вбивали религию любви». Но результат был совершенно иным, нежели ожидали, «ожесточение от мясобойни было сильнее, чем страх перед мясником». Подобные высказывания присутствуют не только в научных работах историка, но и в его многочисленных поэтических произведениях и прежде всего в «Красной земле», где повествуется о том, как Карла вплоть до самой смерти мучили воспоминания о саксонской войне⁸.

Подобный романтический дискурс распространялся не столько среди серьезной публики, сколько среди массы дилетантов, воодушевленной нарастающим националистическим угаром, которому способствовали и многочисленные националистически ориентированные поэты. Будущий член нацистской поэтической академии Вильгельм Шеффер в своем произведении «Тринадцать книг немецкой души» один в один воспроизвел высказывания Ф. Дана о «славянской своре», «кровавом христианизаторе» и «свободолюбивых саксах»⁹.

Еще до прихода к власти, нацисты активно «присваивали» немецкое прошлое, используя его для легитимации собственных властных притязаний. Рихард Вальтер Дарре – шеф Центрального управления СС по

⁷ Ibid. 515.

⁸ Frech K. 1996, 685-698.

⁹ Schäfer W. 1922, 81-83.

вопросам расы и переселения, был не только аграрным экспертом НСДАП, но также одним из ведущих идеологов национал-социализма. Он наряду с Гиммлером принимал самое активное участие в формировании расового и героического мифов. Дарре считал необходимым создание в Германии нового господствующего слоя, «нового дворянства» на основе «крови и почвы»¹⁰. Эта новая элита должна стать аналогом древней германской аристократии, которая вместе с крестьянством являлась некогда частью единого земельного сословия. Для В. Дарре «день Вердена имеет решающее значение в истории развития немецкого понимания дворянства», так как в ходе бойни, устроенной Карлом Великим, была уничтожена саксонская аристократия. Это привело к насильственному распаду единой древнегерманской национальной общности на отдельные замкнутые сословия дворянства и крестьянства. «В этот день в 782 г. закончилось развитие, начатое еще в 496 г. переходом Хлодвига в христианство», с этого момента в Германии христианизированное дворянство, «возникшее из франкского чиновничества сомнительной германской кровной ценности», становится господствующим сословием. Лишь начиная с Генриха I, эта «нечистая» в расовом плане аристократия обновилась и пополнилась благодаря «лучшей крови»¹¹. С помощью такой искусной интерпретации события у Вердена были привязаны к первому немецкому королю Генриху I и стали неотъемлемой частью исторической традиции СС.

Но, пожалуй, главную роль в формировании нового образа императора Карла сыграл Альфред Розенберг. Являясь редактором «Фелькише беобахтер», внешнеполитическим консультантом и специалистом по мировоззренческим вопросам, а также одним из доверенных лиц Гитлера в период борьбы за власть, он воспринимал себя «национальным философом», призванным свести в единую систему все

¹⁰ *Darre R.W.* 1930.

¹¹ *Ibid.* S. 31.

разнообразии национал-социалистической идеологии, придав ей законченный вид и сделав ее обязательной для всех членов партии. Именно этой цели была посвящена вышедшая в 1930 г. книга Розенберга «Миф XX века». Однако, попытка оказалась неудачной, прежде всего из-за чрезвычайной сложности самого текста. Гитлер и другие партийные функционеры после захвата власти в интересах политической практики не желали связываться с проектами подобного рода, предпочитая прежние формы работы с массами. В своей речи, датированной 11 апреля 1942 г., немецкий фюрер подчеркнул, «что “Миф” Розенберга не следует рассматривать как произведение, выражающее официальную точку зрения партии»¹². Хотяopus Розенберга к 1941 г. и разошелся в количестве 950 000 экземпляров, «старыми борцами» он никогда не воспринимался всерьез.

В истории человечества Розенберг видел прежде всего беспрестанную борьбу аристократии, героев против темных сил, среди которых наиболее опасными он считал евреев, масонство и христианство. В соответствии с этим «пониманием» истории он восхвалял Видукинда, в качестве центральной фигуры немецкой истории, равной по значимости Арминию, Лютеру, Бисмарку и, конечно же, Гитлеру. По его мнению, Видукинд боролся не только за свободу саксов, но за свободу всех нордических народов.

Розенберг стремился распространить свои претензии на идеологическое руководство во всех сферах духовной жизни. В этом он опирался на основанный в 1928 г. «Союз борьбы за немецкую культуру», успевший к моменту прихода Гитлера к власти покрыть страну плотной сетью своих представительств. Но организация оказалась бессильной в противостоянии с Розенбергом, который в 1934 г. стал уполномоченным фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП. В своей инаугурационной речи 22 февраля 1934 г. по случаю вступления в новую партийную

¹² Пикер Г. 1993, 196.

должность, Розенберг представил свой взгляд на взлеты и падения немецкой истории. «Сегодня на рубеже тысячелетий, – заявил Розенберг, – мы можем объявить, что даже если герцог Видукинд в VIII веке потерпел поражение, то в XX столетии, в лице Адольфа Гитлера, он одержал победу»¹³.

В качестве доверенного лица фюрера, Розенберг в июне того же года предпринял пропагандистскую поездку по Нижней Саксонии, организованную как «героическое» пропагандистское зрелище. Посетив могилу Видукинда и возложив на нее букет с надписью «немецкому герцогу», вечером 24 июня он выступил перед тысячей своих сторонников, прежде всего, членов Гитлерюгенда с докладом о «первой тридцатилетней войне»¹⁴. Уже в начале своего выступления Розенберг призвал к пересмотру немецкой истории, исходя из потребностей современности. «Вся Германия сегодня охвачена новым ощущением жизни, которое непреодолимой силой срывает старый налет отживших форм и начинает заново формировать настоящее и будущее. <...> Поэтому само собой разумеющимся является то, что немецкая нация другими глазами оглядывает свое прошлое и на основе иных, нежели прежде, употребляемых ценностей, формирует свое собственное понимание прошлого»¹⁵. Из речи помощника фюрера становится понятным, что он считает именно профессиональную историческую науку повинной в том, что немцы «забыли» свое легендарную историю. «Находившиеся прежде в центре внимания прошлой исторической науки образы должны уступить место, казалось бы, уже отзвучавшим преданиям. Вопреки многим историкам, в сердцах нижнесаксонцев осталась незабытой трагедия рубежа IX века. Первая тридцатилетняя война между королем Карлом и нижнесаксонцами была решающей эпохой в

¹³ Rosenberg A. 1939a, 37.

¹⁴ Ibid. 107–115.

¹⁵ Ibid. 108.

немецкой истории и повлекла за собой последствия, которые мы еще сегодня переживаем»¹⁶.

В выступлении Розенберга, борьба саксов стала продолжением древней традиции борьбы германцев с засильем чуждого римского духа, тем необходимым звеном, которое связывало древнюю и современную историю Германии. Но в отличие от битвы в Тевтобургском лесу «тридцатилетняя война» саксов за свою свободу «кончилась на этот раз победой армии, пришедшей с Запада, над защитниками крови и почвы». Но через тысячу лет борьбу за свободу продолжил никто иной, как сам Адольф Гитлер, ставший «продолжателем дела херуска Арминия и герцога Видукинда»¹⁷. По окончании речи на стадионе зажгли ровно 4 500 факелов, а в память о погибших в этой войне саксах решили соорудить место народного собрания с памятной дубравой. 4 500 валунов, принесенных нижнесаксонскими крестьянами, представили собой новый общенациональный памятник.

Надо признать, что в своих выступлениях, касавшихся фигуры короля франков, Розенберг никогда не употреблял уничижительного прозвища «истребитель саксов». Он всегда придерживался амбивалентного подхода, отдавая должное и Карлу Великому, и его главному противнику Видукинду. Но, избегая прямого оскорбления и диффамации, нацистский идеолог так расставлял акценты, что сразу становилось понятно «что мы все в душе больше не на стороне тогдашнего короля франков, а находимся на стороне борющегося нижнесаксонского духа»¹⁸.

Нападки на Карла Великого со стороны одного из главных нацистских идеологов не случайно совпали по времени с атакой на представителей обеих христианских конфессий Германии. Именно представители крайне националистического, антисемитского «Движения за немецкую веру» стали повсеместно употреблять в отношении Карла

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. S. 110–111.

¹⁸ Ibid. S. 108–109.

прозвище «истребитель саксов». Они обвиняли его в насильственном распространении среди свободолюбивых германцев чуждой восточной религии, проповедующей покорность. Сторонники данного антихристианского религиозного движения отклоняли, по словам Л.Н. Бровко, «христианство в любой форме», утверждая, что его «основные требования и жизненные законы чужды немецкой сути, противоречат основным... жизненным законам народа и расы»¹⁹. Такие нацистские и антихристианские журналы как «Железный листок», «Молот», «Северная страна» и другие охотно публиковали материалы, посвященные противостоянию Карла и Видукинда, и авторы этих заметок, в отличие от Розенберга, уже не стеснялись в выражениях²⁰.

Позицию церковных, прежде всего, католических кругов относительно споров вокруг Карла и Видукинда следует рассматривать как составную часть их борьбы с «Мифом XX века» и его автором²¹. Мюнхенский кардинал Фаульхабер в своей проповеди в декабре 1933 г. в церкви Святого Михаила заявил, что «как медицинская наука защищается от шарлатанства, так историография и археология должны также защищаться от романистов и сказочников». Фаульхабер однозначно высказался в поддержку деятельности Карла Великого, который, по его мнению, прекрасно понимал, что без религиозного единства невозможно достичь единства политического²².

Профессиональные историки долгое время обходили стороной нападки национал-социалистов на Карла Великого и лишь, когда дело коснулось непосредственной вотчины историков – школьного образования – они вступили в дискуссию. Инициатором выступил журнал «Прошлое и настоящее» – печатный органа «Союза немецких учителей истории». Данная организация в 1934 г. была включена в состав «Союза немецких учите-

¹⁹ Бровко Л.Н. 2009, 211.

²⁰ Thürmer F. 1934.

²¹ Diehn O. 1958, 181–182, 190–192.

²² Faulhaber M. 1933, 104, 112.

лей», а печатный орган союза журнал «Прошлое и настоящее» был серьезно трансформирован: прежняя редакция была отстранена от руководства и заменена на новую, «мыслящую национал-социалистически». Новая редколлегия объяснила свою заинтересованность учителей, не понимающих как в новой ситуации трактовать роль императора Карла в немецкой истории²³.

Дискуссию в июньском номере за 1934 г. открыл профессор Гейдельбергского университета Карл Хампе, ведущий специалист по средневековой истории Германии²⁴. Свое мнение, характерное для историков его поколения, он озвучил в статье, в которой подчеркнул необходимо вернуться к заветам Л. фон Ранке. Карл Хампе особо настаивал на том, что объективное исследование имеющихся источников сделает возможным понимание того «как это было на самом деле». Для немецкого медиевиста вполне естественным являлось оценивание действий исторических персонажей в соответствии с масштабами их времени, не допускающее вмешательство современных вненаучных категорий. Поэтому он считал совершенно надуманным представление о саксах исключительно как о жертвах франкской завоевательной политики. Для Карла определяющим являлось обеспечение военной безопасности империи, ее защита от постоянных набегов саксонских варваров. По словам немецкого историка, Карл был «целиком и полностью германским властителем», который и чувствовал себя соответствующим образом. Подчиняя саксов, император включал их в свое государство подобно другим германским племенам²⁵. Исходя из данных представлений средневековой эпохи, необходимо рассматривать и миссионерскую деятельность Карла, направленную на спасение «языческих душ» от вечно-го проклятия на Страшном суде.

²³ Reichert F. 2008, 265.

²⁴ Hampe K. 1934.

²⁵ Ibid. S. 314.

Существенные трудности с объективной оценкой франкской завоевательной политикой у Хампе возникли, когда он обратился к массовой казни саксов у Вердена. Историк признает, что большое число жертв, является уязвимым местом для защитников короля франков. Оправдать этот поступок императора, по мнению историка, невозможно «ни с точки зрения новой гуманности, ни новейшей расовой этики». Деяние Карла профессор Хампе оценивает, как проявление «демонической воли великого в истории», которое можно сравнить с яростными эскападами Мартина Лютера в отношении крестьянства²⁶.

Выступление в защиту Карла для пожилого профессора являлось, прежде всего, защитой профессии историка. Нападки на профессиональную оценку роли Карла Великого в немецкой истории поставили под сомнение компетенцию и суверенитет исторической науки в формировании национально-политической памяти. Хотя споры между университетской и внеуниверситетской наукой проходили и прежде. Но до 1933 г. монополия на интерпретацию немецкой истории принадлежала исключительно университетской науке, и политическая элита столь нелюбимой профессорами Веймарской республики не ставила ее под сомнение. С приходом к власти Гитлера ситуация кардинально изменилась. Прежние маргиналы и сектанты заставили представителей новой власти обратить на себя внимание. Теперь от них исходила серьезная угроза самому существованию профессиональной истории.

Начатая гейдельбергским профессором дискуссия о значении Карла для немецкой истории, была продолжена. Журнал предложил опубликоваться, как сторонникам, так и противникам Карла Хампе²⁷. Среди противников знаменитого историка выделялся Альберт Лампе из Лейпцига, не принадлежавший к университет-

²⁶ Ibid. S. 317.

²⁷ *Friedrich Fr.* 1934; *Lampe A.O.A.* 1934; *Lintzel M.* 1934; *Behne W.* 1934; *Hampe K.* 1935a.

ской среде, являвшийся сторонником германоцентричного представления об истории. В его выступлении в адрес профессиональной исторической науки прозвучали обвинения в несоответствии реальности и отсутствие связи с истинной «национальной жизнью». Также, ссылаясь на Ранке и выступая за точную работу с источниками, Лампе потребовал изменить научную перспективу и поставить в центр исторических исследований германцев, сделав их исходной точкой оценки любых прошлых событий. Университетскую медиевистику он упрекал в том, что она издавна находится в плену средневековой «монашеской историографии», интересы которой упрямо защищает. Лампе призвал «так отстаивать источники, касающиеся Видукинда и его противника, чтобы это служило *осознанно немецкому познанию и духовно-психической необходимости немецкого народа* (выделено мною. – А.Х.) и немецким интересам»²⁸. По его мнению, необходимо прекратить мировоззренчески окрашенное толкование и фальсификацию сведений о Видукинде и восстановить истинный образ саксонского герцога, как свободолюбивого германца.

Примирительную позицию в этом споре попытался занять приват-доцент университета в Галле Мартин Линтцель. Он в 1927 г. защитил диссертацию по теме «Древнесаксонское устройство в VIII в.» и являлся признанным специалистом в этой области. По его мнению, «для нас совершенно невозможно вести речь о решении ”за” или ”против” одного (Карла) или другого (Видукинда), так как они оба принадлежат нам»²⁹. Его доклад нельзя воспринимать как текст, направленный на защиту позиций чистой науки. Он не был против переоценки средневековой эпохи, в свете произошедших после 1933 г. перемен. Вместе с тем, он полагал, что даже изменяя угол оценки текстов источников, необходимо следовать за их фактическим содержанием. Если мы хотим

²⁸ Lampe A.O.A. 1934, 471.

²⁹ Lintzel M. 1934, 658.

учиться у истории, пишет М. Линтцель, мы должны «использовать ее только такой, какой она является, а не такой как нам хочется»³⁰.

В 1935 г. спор вокруг Карла разгорелся с новой силой. Это было связано с выходом в свет небольшой книжки «Карл Великий или Шарлемань? Восемь ответов немецких историков». Помимо уже выступавших в споре К. Хампе и М. Линтцеля здесь были опубликованы работы пяти историков: Германа Аубина (Бреслау), Фридриха Бэтгена (Кёнигсберг), Альберта Бракмана (Берлин), Карла Эрдмана (Берлин), Вольфганга Виндельбанда (Берлин) и Ганса Наумана (Бонн). За исключением доцентов Эрдмана и Линтцеля, сотрудников знаменитой *Monumenta Germaniae Historica*, остальные авторы сборника являлись штатными профессорами своих университетов. Инициатором и главным идеологом этого издания выступил Карл Эрдман, который вел переписку и переговоры с авторами. Он убеждал их в значимости этой публикации, а при необходимости и подстегивал их к принятию необходимого решения. Так как некоторые ученые не были уверены в своем участии, Эрдману приходилось со многими встречаться лично, уговаривая прислать материалы для сборника. Так, например, не дождавшись вовремя текста статьи от известного медиевиста Германа Геймпеля, Эрдман отправился к нему в Лейпциг для переговоров. В письме своему другу историку Телленбаху, он сообщает об этой поездке: «Мы расстались с ним под девизом, маршируем раздельно, бьем вместе»³¹. Вышедшая книга не имела официального редактора, но открывалась статьей уже упоминавшегося Карла Хампе. Он был единственным из всех авторов, находившимся на пенсии, поэтому мог не опасаться последствий.

Собрав вокруг проекта, ведущих специалистов, инициаторы сборника столкнулись с проблемой – каким образом объединить известных, но совершенно разных представителей академической науки, придерживаю-

³⁰ Ibid. S. 653.

³¹ *Tellenbach G.* 1981, 89.

щихся к тому же кардинально противоположных политических убеждений. Историки оказались в сложной ситуации. Стремясь сохранить верность традиционным идеалам исторической науки, они заявили, что их объединило «стремление к истине». В то же время, боясь быть обвиненными в непатриотичности, они отметили, что книгу задумали «ради Германии»³². Стараясь продемонстрировать свои патриотические настроения и выразить лояльность новому режиму, они сознательно перевели спор из плоскости «являлся Карл германцем или негерманцем» к дилемме «являлся Карл немцем или французом», о чем собственно и свидетельствует название сборника. Профессиональные историки в своих попытках защитить Карла были вынуждены пойти на уступки господствующему тогда германскому дискурсу. В результате одна уступка повлекла и другие, ученым пришлось вести дискуссию в терминах идеологии «крови и почвы». Современный немецкий историк К.Ф. Вернер отмечает, что историки 30-х гг. XX в. проявили изрядное мужество, осмелившись открыто выступить против диффамации Карла Великого и спрашивает о той «цене», которую пришлось им заплатить³³. Забегая вперед, отметим, что никаких репрессий в отношении авторов сборника не последовало. Историки сделали все, чтобы их затея выглядела совершенно невинной, к тому же, они изначально отказались от единого коллективного мнения, переложив, таким образом, возможную ответственность за выступления персонально на каждого из участников проекта.

Общий примирительный тон сборника был задан уже первой статьей К. Хампе «Личность Карла». В ней он в совершенно несвойственной ему манере прославляет не столько деяния великого императора, а его... физические размеры, отмечая, что для того времени «героическое тело» являлось обязательной предпосылкой

³² *Vorwort // Karl der Große oder Charlemagne? 5.*

³³ *Werner K.-F. 1967, 74.*

«героического величия». Сам же Карл представляет собой «идеальный тип германского богатыря». Немецкий историк, не взирая на надуманность национальной проблемы для эпохи раннего средневековья, обращается к национальному самоощущению императора. По его словам, «Карл ощущал себя как германец, незатронутый еще совершенно какой-либо романизацией»³⁴.

Г. Аубин, медиевист из Бреслау, опираясь на уже известные генеалогические данные, а также на результаты современных ему демографических и историко-поселенческих исследований, обратился к проблеме происхождения Карла Великого. Стремясь спасти франкского императора для немецкой истории, Аубин старательно доказывал отсутствие среди его предков римлян. Он воодушевленно отмечая, что его происхождение «стандартное, а именно чисто франкское, то есть германское»³⁵.

Профессор Бракманн, отталкиваясь от коронации Карла императорской короной в 800 г., обратился к отношениям императорской власти и папства. Он выступил против современной критики, согласно которой папе Льву III, удалось с помощью коронации императора привязать франков к Риму. Согласно Бракманну, церковно-политическая деятельность императора, напротив, позволила четко разделить сферы влияния духовной и светской власти. Карлу удалось остановить притязания папы. Лишь слабые приемники первого германского императора попали в зависимость от Рима, открыв печальную страницу трагического противостояния между императором и папством. Однако, по мнению Бракманна, лишь императорская идея создала идею имперского единства и почву для понятия «немецкий рейх»³⁶.

Никто из историков-авторов сборника не состоял в нацистской партии. Кроме того, большинство из них

³⁴ *Hampe K.* 1935 (2), 9–29.

³⁵ *Aubin H.* 1935, 48.

³⁶ *Brackmann A.* 1935, 92.

достаточно настороженно относились к идеологии национал-социализма, но это не помешало им пригласить в свой сборник убежденного нациста Ганса Науманна. Он был не просто членом партии, а активным участником печально известного сожжения книг в мае 1933 г. в Берлине. В своей статье, с весьма характерным названием «Германская порода Карла», Науманн утверждал, что у Карла полностью отсутствует «немецкий нрав». По его мнению, насилие Карла в отношении не только саксов, но и других народов Европы свидетельствуют о его жестокости, которая совершенно не свойственна германцам. «Списывать это насилие на счет германского происхождения Карла... было бы принципиально неправильно, так как германцы не знали подобной кровожадности и жестокости». Скорее всего, ее можно объяснить возвращением в ужасы «выродившейся эпохи Меровингов» и «зверства античных народов». Центральной идеей доклада Науманна являлось стремление умалить значение культурного и политического влияния римской античности на империю Карла³⁷. То, что главный тезис работы немецкого германиста вступал в прямое противоречие с идеями других авторов, представленных здесь же, не смущало ни его самого, ни редактора. Почему доклад Науманна вообще был принят редактором, остается неясным. По всей видимости, ответ кроется в предисловии, где сказано, что ввиду значимости темы нельзя пренебрегать сотрудничеством с германистами. В тоже время отмечается, что «каждый лично несет научную ответственность за свои доклады». Это может означать только то, что историки сознательно дистанцировались от высказываний германиста. Впрочем, предшествовавшие доклады Хампе, Аубина, Бракманна ни в чем не уступали Науманну. Занимаясь поиском германских корней в происхождении Карла, большинство авторов сборника не обращали внимания, что в источниках нет достаточных оснований для этого, тем

³⁷ *Naumann H.* 1935.

более что сами Каролинги всячески старались продемонстрировать свою преемственность с античностью.

Вольфганг Виндельбанд являлся среди авторов единственным не медиевистом. Его приглашение, очевидно, можно объяснить сферой научных интересов – внешняя политика Франции, что как нельзя лучше соответствовало задумке авторов. Стараясь «спасти Карла для Германии», он рассмотрел отдельные этапы изучения наследия Карла французами. При этом он указал, что часто обращение французов к образу императора аргументировало их внешнюю политику. В связи с этим немецкий историк предостерег от опрометчивой передачи великого франка соседям на Западе³⁸.

Как мы отмечали выше, книга была написана не только «ради Германии», свидетельством чему являются уже рассмотренные нами статьи немецких историков, но и «ради истины», которой в полной мере соответствовали лишь сообщения Ф. Бэтгена, К. Эрдманна и М. Линтцеля. Бэтген посвятил свой доклад «Фронт на Востоке» восточной политике Карла Великого, в которой, прежде всего, отметил цивилизаторскую миссию германцев по завоеванию, умиротворению и культурному просвещению Востока. Эти историко-культурные достижения стали для профессора из Кёнигсберга поводом напомнить о сохранившейся, несмотря на проигранную войну 1914 – 1918 гг., «необходимости и задаче нашей национальной жизни». В тоже время Бэтген не побоялся выступить в защиту нещадно критикуемого в то время христианства, подчеркнув, что восточная политика Карла, как и все его начинания «коренилась... в христианской имперской идее»³⁹.

Единственными авторами, которые не были не профессорами, в данном сборнике оказались Эрдманн и Линтцель. На фоне других работ их тексты являются примерами научной честности и личного мужества. В

³⁸ *Windelband W.* 1935.

³⁹ *Baethgen Fr.* 1935, 78.

работе «Наименование немец» Эрдманн попытался внести ясность в имеющийся хаос словоупотребления, а именно – в существующую путаницу в использовании слов «немец» и «германец». Он писал: «Наименование “немец” не является по своему происхождению просто-народным, это ученое образование». Вслед за этим немецкий историк подчеркнул большую заслугу классической латинской учености в деле становления общенемецкой общности и ее осознания. «Мы называем сегодня баварцев, швабов, франков, тюрингов, саксов и фризов немецкими «племенами», они все вместе являются нашим „народом“. Это различие понятий в раннее средневековье было еще не известно <...> Ко времени, когда Каролинги пришли к власти, наши предки составляли полдюжины различных народов <...> Лишь в течение раннего и классического Средневековья на протяжении столетий из отдельных народов возник новый, великий народ: немцы. Это не было возвратом к условиям древнегерманского времени, но <было> совершенно новым образованием. Необходимо остерегаться распространенного смешения понятий германский и немецкий»⁴⁰. Эрдманн задает вопрос: как среди множества различных германских племен, объединенных Карлом, сформировалось чувство немецкого самосознания? Обращаясь к понятию «немец», историк отмечает, что первоначально оно употреблялось для обозначения языка и лишь много позже стало использоваться для наименования народа. Участие франкского короля в этом процессе, по его мнению, оценено еще недостаточно высоко. Лишь под его господством на свет появилось осознание общности языка и культуры и происходило это в размежевании с античной культурой, также привнесенной Карлом. «Исторически неверно, что соприкосновение с античностью и христианством ликвидировало или уменьшило своеобразие наших предков». По мнению

⁴⁰ *Erdmann C.* 1935, 94.

Эрдманна, с заслугами Карла в возникновении Германии «ничто другое не может сравниться»⁴¹.

Линтцель, несколько ранее вступивший в дискуссию, на сей раз затронул сюжет «Войны с саксами». Он отметил, что саксы в благодарность за то, что Карл вывел их из язычества, относились к нему после его смерти более дружелюбно, нежели современные нам «защитники саксов». «Несомненно, Карл перевел саксов из так сказать чисто германского состояния в менее чистое германское развитие. Но будет несправедливым упрекать его из-за этого. Идеал совершенной духовной и телесной чистоты германской расы в то время никому еще не был известен... Мы должны ясно представлять, что неприятие нами христианизации и франкского завоевания саксов означает не что иное, как отвержение... более чем тысячелетней немецкой истории». В отличие от своих коллег Линтцель высказался весьма резко и открыто: «Во времена Карла не было немецкого народа, не было немецкой нации и вообще не было понятия немецкий в нашем смысле. Ни Карл, ни его противник Видукинд и представить не могли, чтобы думать по-немецки»⁴².

Борьбу профессиональных историков с обвинениями в адрес Карла ни в коем случае нельзя упрощенно понимать как борьбу свободной от идеологии науки с фашистским представлением об истории. Они осмелились возразить лишь, когда затронули «великого Карла», игнорируя при этом многие другие нападки. В этом споре речь шла не о защите объективного, неполитического понимания истории, а прежде всего о сохранении своего лидерства в интерпретации истории, следовательно, и в формировании национальной памяти. Король франков, по их мнению, должен был быть германцем. Как полагал Карл Йордан, немецкие историки надеялись предотвра-

⁴¹ Ibid. 104–105.

⁴² *Lintzel M.* 1935.

тить «элиминирование» Карла Великого из немецкой истории⁴³.

Но идя на уступки национал-социалистической пропаганде в вопросе германского происхождения Карла Великого, они были вынуждены играть по правилам, установленным не ими. Включение в сборник более чем спорного доклада германиста Науманна свидетельствует об отказе от принципов строгой научности. Чересчур смелые аналогии и сомнительные тезисы, присутствующие в работах Хампе, Бракманна и других, вне всякого сомнения, отдаляли их от методологических принципов исторической профессии, которых они придерживались еще несколькими годами ранее, когда стремились подчеркнуть неприятие выводов сторонников древнегерманской теории⁴⁴.

Спор вокруг Карла закончился вмешательством фюрера. 16 сентября 1935 г. на партийном съезде в Нюрнберге в своей заключительной речи Гитлер, не называя имен, подробно остановился на вопросах имперской истории. Всем было понятно, что речь в его выступлении шла о Карле и Видукинде, а также об отношении к ним Розенберга. «Первое государственное объединение немцев, – заявил Гитлер, – смогло осуществиться только благодаря насилию в отношении народного образа жизни отдельных немецких племен... Поэтому неправильно сетовать о собственных религиозных и государственных жертвах, которые потребовались на пути становления немецкого народа. Что в эти столетия произошло, должно было произойти»⁴⁵. Ни в коем случае нельзя считать, что именно вмешательство в дискуссию о Карле Великом немецких историков привело к очередному изменению образа Карла. Да, в общем, и сами ученые это прекрасно понимали, отложив чувствование своей «победы» до лучших времен. Никто из про-

⁴³ *Jordan K.* 1980, 338.

⁴⁴ *Hampe K.* 1921, 11.

⁴⁵ *Hitler A.* 1935, 73.

фессиональных историков никак не отреагировал на изменившуюся рецепцию франкского короля.

Речи Гитлера очень быстро стали руководством для составителей школьных учебных программ. Уже октябрьский номер журнала «Учебное послание», редактором которого был Розенберг, содержал в себе статью Вальтера Гебхардта с традиционным названием, но с несколькими иными интонациями. Автор в превосходной степени отзывается о Видукинде «принадлежащем нашему сердцу», о «тысячелетней борьбе против тяжести и бремени римского засилья», о «духе Видукинда», который в третьем рейхе вновь воскрес. Но помимо этих ставших уже вполне традиционными для нацистской печати славословий в адрес саксонского герцога, в работе нацистски ангажированного автора встречаются предложения, написанные явно под впечатлением от партийной речи фюрера. «Никто не может повернуть вспять колесо времени <...> Кровно сильная, единая народность еще не нашла своей государственной формы, силы организации которая была свойственна ее могущественному противнику. Государство, которое для немцев создал Карл, было жесткой, но хорошей школой. Мы благодарны ему»⁴⁶. Как ни странно, но именно после этого выступления Розенберг стал публично оправдываться, говоря, что он никогда не называл Карла «истребителем саксов», кроме того в последующие издания «Мифа XX века», нацистский идеолог внес примечательные пояснения, отсутствующие в предшествующих публикациях. На сей раз и саксонский герцог и император франков «вошли в историю Германии: Карл как основатель Германской империи, Видукинд как защитник свободы»⁴⁷.

Эта линия стала доминирующей на последующие годы. Хотя Видукинд и сохранил статус «идейного лидера» в борьбе с римским господством. Но в качестве обратного полюса возникла «организация», олицетворяемая властным аппаратом, созданным Карлом Великим.

⁴⁶ *Gebhardt K.* 1935, 349.

⁴⁷ *Rosenberg A.* 1939, 186.

В «Застольных речах», произнесенных уже в годы Второй мировой войны, фюрер не раз касался немецкой истории вообще и личности Карла, в частности. В речи 4 февраля 1942 г. он назвал Карл Великого «одним из величайших людей в мировой истории, так как он сумел собрать под одной крышей упрямые германские головы»⁴⁸. А в конце марта того же года он «предупредил Розенберга, чтобы тот не вздумал прославлять клятвопреступников в ущерб великим германским императорам и именовать таких героев, как Карл Великий, Карлом Истребителем Саксов»⁴⁹.

По мере расширения экспансионистских притязаний Гитлера линия на прославление организационных заслуг в интерпретации франкского короля все более усиливалась, став со временем составной частью европейской идеологии национал-социалистов. Еще в первые месяцы войны против Советского Союза по немецкой инициативе из французов был организован «Легион французских добровольцев против большевизма» (*Légion des volontaires français contre le bolschevisme*) переименованный впоследствии в дивизию Карла Великого (*Division Charlemagne*). Превращение Карла Великого в персонажа общеевропейской истории по времени совпало с постепенным отказом национал-социалистической пропаганды от господствовавшего ранее антифранцузского и вообще антизападного дискурса и пришлось на заключительную фазу войны, когда нацисты всеми силами пытались предотвратить собственный крах, используя, в том числе, и образ Карла Великого как «отца Европы» и защитника Запада от угрозы с Востока⁵⁰.

Рассмотрев трансформацию образа императора Карла, мы можем констатировать, что в фашистском государстве присутствовало определенное противоречие между враждебным отношением национал-социалистической

⁴⁸ Пукер Г. 1993, 73.

⁴⁹ Там же, 147.

⁵⁰ Elvert J. 1999, 280, 333.

идеологии к науке, с одной стороны, и необходимостью научной деятельности для собственных нужд, с другой. Вследствие этого просматриваются две линии поведения нацистов по отношению к исторической науке. Прежде всего, это курс на однозначное «приобщение» историографии и замену старой «объективистской» науки, новой политически ангажированной. Но также существовал и альтернативный вариант, направленный на интеграцию консервативной националистически ориентированной историографии Германии в структуры нового государства. В начальные годы существования фашистского режима, безусловно, преобладала первая тенденция, ярко проявившаяся в попытках диффамации не только Карла Великого, но и самой исторической науки. Но наряду с этой сугубо разрушительной практикой сначала заметно слабее, а после 1936 г. все более активно, дает о себе знать вторая тенденция, направленная на сотрудничество с профессиональной частью немецкого исторического сообщества. И по мере приближения к войне эта заинтересованность возрастает, не только в естественнонаучных дисциплинах, что вполне понятно, но и в гуманитарных, где исследованиям можно придать соответствующий политический характер. И образ Карла Великого является здесь неким маркером, позволяющим определить отношение нацистов к национальной истории в целом и к исторической науке в частности.

Литература

- Бровко Л.Н.* 2009: Церковь и Третий рейх. СПб.
- Галкин А.А.* 1989. Германский фашизм. М.
- Пикер Г.* 1993. Застольные разговоры Гитлера / пер. с нем. И.В. Розанова. Смоленск.
- Aubin H.* 1935. Die Herkunft der Karlinger // Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher. Berlin, 40-48.
- Baethgen Fr.* 1935. Die Front nach Osten // Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher. Berlin, S. 66-79.

- Behne W.* 1934. Karl der Große und Widukind. Ein Beitrag zur politischen Geschichtsschreibung // Vergangenheit und Gegenwart. 24, 660-670.
- Böhmer R.* 1934. Der Sachsenschlächter // Deutsche Zukunft. 12.8, 8.
- Bollmus R.* 1970. Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Zum Machtkampf im NS-Herrschaftssystem. Stuttgart.
- Brackmann A.* 1935. Kaisertum und römische Kirche // Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher. Berlin, 80-93.
- Chamberlain H.S.* 1903. Die Grundlagen der Neunzehnten Jahrhunderts. IV. Aufl. I. Hälfte. München.
- Darre R.W.* 1930. Neuadel aus Blut und Boden. München.
- Diehn O.* 1958. Bibliographie zur Geschichte des Kirchenkampfes 1933–1945. Arbeiten zur Geschichte des Kirchenkampfes / Hrsg. von K.D. Schmidt. Bd. 1. Göttingen.
- Ehlers J.* 2009. Charlemagne – Karl der Grosse // Deutsche Erinnerungsorte. Bd. I. / Hrsg. E. François und H. Schulze. München, 41-55.
- Elvert J.* 1999. Mitteleuropa! Deutsche Pläne zur europäischen Neuordnung (1918-1945). Stuttgart.
- Erdmann C.* 1935. Der Name Deutsch // Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher. Berlin, 94-105.
- Faulhaber M.* 1933. Von Judentum, Christentum, Germanentum. Adventspredigten, gehalten in St. Michael zu München 1933. München.
- Frech K.* 1996. Felix Dahn. Die Verbreitung völkischen Gedankenguts durch den historischen Roman // Handbuch zur «Völkischen Bewegung» 1871–1918 / Hrsg. von U. Puschner, W. Schmitz, J.H. Ulbricht. München, New Providence, London, Paris, 685-698.
- Friedrich Fr.* 1934. Karl der Große ein Franzose? // Vergangenheit und Gegenwart. 24, 467-468.
- Gebhardt K.* 1935. Karl und Widukind // Der Schulungsbrief. 2. H. 10, S. 349.
- Hampe K.* 1921. Der Zug nach dem Osten. Die Kolonisationsgroßtat des deutschen Volkes im Mittelalter. Leipzig, Berlin.
- Hampe K.* 1934. Karl der Große und Widukind // Vergangenheit und Gegenwart. 1934. Bd. 24. S. 313–325.
- Hampe K.* 1935a. Schlußwort zu der Erörterung über Karl den Großen und Widukind // Vergangenheit und Gegenwart. 25, 105-109.

- Hampe K.* 19356. Die Persönlichkeit Karls // Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher. Berlin, 9-29.
- Hitler A.* 1935. Die Reden am Parteitag der Freiheit 1935. München.
- Jordan K.* 1980. Ausgewählte Aufsätze zur Geschichte des Mittelalters. Stuttgart.
- Kroll F.-L.* 1999. Utopie als Ideologie. Geschichtsdenken und politisches Handeln im Dritten Reich. Paderborn.
- Lintzel M.* 1934. Die Sachsenkriege // Vergangenheit und Gegenwart. 24, 49-65.
- Lampe A.O.A.* 1935. Widukind und Karl der Westfranke // Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher. Berlin, 469-477.
- Lintzel M.* Zur Beurteilung Widukinds und Karls des Großen // Vergangenheit und Gegenwart. 24, 652-660.
- Naumann H.* 1935. Karls germanische Art // Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher. Berlin, 30-40.
- Reichert F.* 2008. Gelehrtes Leben. Karl Hampe, das Mittelalter und die Geschichte der Deutschen. Göttingen.
- Rosenberg A.* 1939a. Gestaltung der Idee, Blut und Ehre. Bd. II. Reden und Aufsätze von 1933–1935 / Hrsg. von Th. Von Trotha. 10. Aufl. München.
- Rosenberg A.* 1939b. Der Mythos des 20 Jahrhunderts. Eine Wertung der seelischgeistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. 143.-146. Aufl. München.
- Schäfer W.* 1922. Die dreizehn Bücher der deutschen Seele. München.
- Schwabe K.* 1989. Deutsche Hochschullehrer und Hitlers Krieg (1936-1940) // Die deutschen Eliten und der Weg in den Zweiten Weltkrieg / Hrsg. von M. Broszat, K. Schwabe München.
- Tellenbach G.* 1980: Aus erinnerter Zeitgeschichte. Freiburg im Br.
- Thürmer F.* 1934. Karl der Große – Charlemagne – Sachsenschlächter // Hammer. Blätter für deutschen Sinn. 33, 241-248.
- Vorwort. 1935. Charlemagne in der französischen Ausdehnungspolitik // Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher. Berlin, 5-8.
- Werner K.-F.* 1967. Das NS-Geschichtsbild und die deutsche Geschichtswissenschaft. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz.
- Windelband W.* 1935. Charlemagne in der französischen Ausdehnungspolitik // Karl der Große oder Charlemagne? Acht Antworten deutscher Geschichtsforscher. Berlin, 106-122.